

Воскресная месса в Толедо

Автор:

[Дина Рубина](#)

Воскресная месса в Толедо

Дина Ильинична Рубина

Истории скитаний, истории повседневности, просто истории. Взгляд по касательной или пристальный и долгий, но всегда – пронизательный и точный. Простые и поразительные человеческие сюжеты, которые мы порой ухитряемся привычно не замечать. В прозе Дины Рубиной всякая жизнь полна красок, музыки и отчетливой пульсации подлинности, всякое воспоминание оживает и дышит, всякая история остается с читателем навсегда.

Дина Рубина

Воскресная месса в Толедо

© Д. Рубина, 2021

© Стоцкая Ю., оформление переплета, 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Это было в Севилье где-то,

А быть может, то было в Толедо, —

Где испанки живут и испанцы,

Где с утра начинаются танцы.

Неопознанные куплеты из мусорного ташкентского детства

...Обвиняли врачей, хирургов и аптекарей из евреев в злоупотреблении профессией для причинения смерти множеству христиан; между прочим, смерть короля Энрике III приписывали его врачу Меиру...

31 марта 1492 года Фердинанд и Изабелла издали декрет, которым все евреи мужского и женского пола обязывались покинуть Испанию до 31 июля того же года под угрозой смерти и потери имущества... Евреи отдавали дом за осла и виноградник за кусок ткани. Этому нечего удивляться, если принять в соображение данный им короткий срок для оставления королевства. Эта мера, внушенная жестокостью, а не усердием к религии, заставила покинуть Испанию до восьмисот тысяч евреев...

Х. А. Льоренте.

«История испанской инквизиции»

* * *

У большинства испанских женщин великолепные литые ягодички. У испанки могут быть изящные ступни и кисти рук, тонкая талия, хрупкие плечи, непритязательная грудь, но бедра обязательно присутствуют, и – будьте уверены! – бедра хорошего наполнения. Это вам не шесты, при помощи которых двигаются на подиумах манекенщицы, это – настоящее женское тело. Смотрите Веласкеса.

Две недели мы шлялись по провинциям Испании – Севилье, Кордове, Гранаде, Кастилии и Каталонии, и все это время – на улицах, в тавернах и барах, на

автобусных станциях и вокзалах, в коридорах отелей – перед нашими глазами дефилировали, проплывали, гарцевали разных объемов, но характерных очертаний крупы чистокровных андалузских кобылиц.

В этом определении нет ничего обидного. У меня и самой такой круп, поскольку предки мои происходят из Испании, да и сама я похожа на всех испанок, вместе взятых.

Например, в недавней поездке по Америке меня принимали за свою все «латиносы». Водитель такси в Далласе, услышав, что я не говорю по-английски (я всем американским таксистам сразу объявляю, что не говорю по-английски, чтоб не приставали с разговорами), кивнул и по-родственному перешел на испанский.

– Я не говорю по-испански, – смущенно добавила я.

Он внимательно посмотрел на меня в зеркальце.

– Сеньора не говорит по-испански?! – спросил он. – А на каком языке говорит сеньора?

– На русском, – ответила я, чувствуя себя мошенницей.

Он еще недоверчивей взгляделся в меня в зеркальце. Помолчал.

– Я впервые вижу, чтобы испанская сеньора не говорила по-испански, – наконец сказал он решительно.

– Почему вы решили, что я – испанка?

– А кто же?! В моем родном поселке на Рио Гранде есть несколько испанских семей, сеньора очень похожа на их женщин.

– Наверное, их предки – из *marranos*, – заметила я.

– Это одно и то же, – сказал он.

Испанская тема в жизни моего мужа возникла тоже достаточно давно. Ее привнесла знакомая циркачка, Роза Хуснутдинова. Муж Розы, полиглот и эрудит, был советским торговым представителем сначала в одной западной стране, потом в другой. Несколько лет они прожили в Испании, где Роза очень тосковала по своей профессии. Раза два являлась в местный цирк, умоляя просто дать ей походить по проволоке. Когда вернулась в Москву, пригласила Борю на свое представление.

- Ну и как? - спросила я.

Мы сидели на скамейке проспекта Диагональ - одного из зеленых бульваров Барселоны, - отдыхали от пеших трудов и занимались любимым делом: глазели по сторонам и обращали внимание друг друга на разные важнейшие для нас пустяки. Например, за мгновение до того как Боря стал рассказывать про Розу Хуснутдинову, мимо проехала «Хонда», из окна которой горделиво выглядывала благородная борзая с видом Де Голля, принимающего парад. И мы умильными взглядами старых собачников проводили ее торжественный выезд. За ней проехал огромный семитрейлер с серией новеньких машин на платформе. Передними колесами они налезали друг на друга и вид имели непристойный. Как ослы в случке.

- ...ну, и как она выступала?

- Ничего себе, по проволоке ходила, кульбиты всякие крутила. Махала белой ногой. Между прочим, была заслуженной артисткой. Кажется, Татарской ССР.

...Собственно, с Розино энтузиазма началось Борино увлечение Испанией. Она как-то зажигательно про Испанию рассказывала. Женщины, говорила, там очень красивые.

- А мужчины? - уточнил Боря.

- Мужчины - нет, - сказала Роза. - Мужчины вот на вас похожи.

Она привезла Боре в подарок книжку-складушку о доме Эль Греко в Толедо. Там были и пейзажи – узкие гористые улочки, арки собора, расставленные веером в витринах оружейных лавок клинки и эфесы толедских шпаг.

И Боря заочно влюбился в Испанию... Полагаю, его увлечение мной возникло в русле этой испанской страсти, из-за – повторюсь – общего испанского стиля моей внешности.

Ну а с моей стороны было одно обстоятельство, о котором и упоминать-то неудобно. Частного, даже интимного рода обстоятельство, если вообще за обстоятельство жизни можно принять такое эфемерное явление, как навязчивый сон. То есть вполне устойчивое сновидение, сопровождающее меня по всей жизни. И не то чтобы страшный, или вещий, или предостерегающий какой-то сон; да и бессюжетный, одинокий и безлюдный... Мостовая средневекового города. И я иду по ней босая... Довольно явственная мостовая – крупная галька, выложенная ребром, – рыбий косяк, прущий на нерест... И больше ничего.

Словом, бросовый снишко, привязавшийся ко мне, как приبلудная псина, очень давно, с детских лет. И точно, как приبلудная собачонка – то исчезнет в подворотне за мусорным баком, то вынырнет из-за угла и опять надоедливой трусцой тебя догоняет, – этот сон вдруг возникал, затесавшись меж других моих снов, обжитых, как знакомой мебелью, родными приметамы моей собственной жизни, – странный, чужой, неприкаянный: мощеная крутая улочка, и я по ней иду босая, так явственно, что стопа ощущает холодную ребристую гальку... Куда я иду? Зачем? Кто я там такая?

С некоторых пор стала я приглядываться к мостовым средневековых кварталов европейских городов. Ненароком, мельком оглядывалась, безотчетно пытаюсь узнать место. И не то чтобы силилась отделаться от этого сна, он мне вроде и не мешал, и не беспокоил. А просто – надоело! Так что, обыскав Голландию, Францию и Италию, с их разнообразными мощеными улицами (брусчатка, круглый булыжник, аккуратный красный кирпичик «елочкой», и пр., и пр., и пр.), я стала подумывать об Испании, тем более, что, по уверению отца, глубокий и разветвленный корень бабкиного рода Деспиноза (или по-простому – Спиноза, а по-тамошнему, по-ихнему, – Эспиноса) уходил в земли Сфарада[1 - Сфарад – Испания, иврит.].

Да и срок действия известного старинного постановления раввинов, согласно которому пятьсот лет после изгнания из Испании евреям запрещено было ступить на ту, Богом проклятую землю, истек уже в 1992 году.

- Ну ты там посматривай, - сказал мне отец перед отъездом, - поглядывай там насчет наших... поразыскивай.

- Пап, - возражала я терпеливо, - пять веков прошло. Какие там наши?

- Ну ты все ж посматривай, - упрямо повторял отец, - поглядывай... Все-таки твои предки.

- Предки-шмедки, - роняла мама. - Оставь ее в покое с твоими липовыми бумагами.

Очевидно, она имела в виду тот поминаемый отцом лист с генеалогическим деревом, который в отцовской семье хранился, но в годы эвакуации был утерян. Там на черенке одной из обрубленных веточек - так утверждает папа - сидел одинокий шлифовщик стекол Барух (Бенедикт) Спиноза.

- Ну уж, - сказал отец, - липовые или не липовые, да только без цыганщины.

Это он имел в виду мамину фамильную романтическую историю с прабабкой-цыганкой, где-то уже описанную мной.

- Так что разведай, - напутствовал меня отец, - что-то об истории рода.

- Рода-шмода... - бормотала мама.

- Не поддавайся на цыганские провокации, - сказал отец.

А мне вдруг пришли на память цыганские романсеро Гарсиа Лорки. Все эти благоговейно вызубренные в девятом классе, в дрожи первой влюбленности:

...Сменила тростник на шепот луна в золотых лагунах. Девчонки, грызя орехи, идут по камням нагретым. Во мраке крупы купальщиц подобны медным планетам...

И – гороховая россыпь на оборках, воланах, подолах платьев, и сухое потрескивание деревянных ладошек кастаньет, и какое-то там лунное лезвие в ночи... эх!

Словом, так получалось, что по всем показаниям выпадала мне дорожка в эту нашу домашнюю Испанию.

1

«В Барселоне во время погромов 1391 года евреи заперлись в крепости, заручившись покровительством местного губернатора и знати. Но разъяренная чернь осадила крепость и подожгла ее. Осажденные, потеряв надежду на спасение, сами закалывали себя кинжалами или бросались с крепостной башни и разбивались; другие приняли мученическую смерть от рук неприятеля, остальные изменили своей вере; лишь немногим удалось бежать... Очень велико было число тех, которые в тот ужасный год, под страхом смерти, приняли крещение... По стране разъезжали доминиканские монахи, врывались с крестом в руке в синагоги и грозно требовали от евреев, чтобы они приняли крещение; тут же стояла наготове толпа католиков, чтобы по первому знаку монахов броситься на евреев. Под влиянием этих угроз тысячи евреев принимали христианство, увеличивая тем число марранов...»

С. М. Дубнов.

«Краткая история евреев»

* * *

...Гигантский воздушный шар завис над Барселоной, как раз над короной церкви Саграда Фамилия. Он почти неподвижно стоял в легком веселом воздухе, в приморском теплом мареве, словно застряв в невидимой лузе или предлагая

себя для какой-то игры на бескрайнем небесном поле. Город, с обеих сторон сжатый горами и морем, с третьей стороны возлежал на дне воздушного океана. Излишество томления распирало это пространство, создавало завихрения, вибрацию прозрачной толщи.

А шар все-таки поднимался над шпилями церкви, но для того, чтобы заметить это, надо было долго всматриваться в спокойствие голубовато-розового океана, пропоротого спиральями: колокольни, шпили церквей, трубы домов...

Довольно долго и мы «зависали» над этой долиной неги, не в силах уйти с террасы Национального дворца у подножия горы Монжуик.

Минут двадцать уже мы сидели на скамейке, давая отдых ногам, истоптанным шестичасовым блужданием по залам Музея каталонского искусства. Любовались совершенной формой шара над вилкой колокольни легендарной, вечно недостроенной церкви, я жевала бутерброд, а Боря объяснял мне уникальную ценность собрания скульптур и фресок, только что увиденных в музее.

Я вяло прислушивалась. У меня насчет шедевров религиозного христианского искусства было свое тихое, но твердое еврейское мнение.

Крашенная деревянная скульптура в Музее каталонских примитивов напоминает Пермскую, только там Иисус похож на старого калмыка или узкоглазого коми, а здесь Иисус, тщедушный, как ребенок, с лицом изможденного старого еврея. На одном из распятий он, свесив голову, удрученно разглядывает свои большие разлапистые ступни, связанные, как у гуся. Крест другого распятия, видимо, разохся за века, и, привинченный к стене, Иисус парит в воздухе, раскинув руки, словно увидел кого-то родного и жаждет принять его в объятия. Кажется, вот-вот воскликнет что-нибудь вроде: «Мойшеле, кинделе, беги сюда, поцелуй скорей дядю Ешке!»

Святые на фресках, перенесенных сюда из дальних пиренейских церквушек – Андрей, Фома, Иоанн, – наивны и отрешенно мудры. Легкие детские их ступни либо направлены параллельно вбок, либо, как на утренней гимнастике, расставлены – пятки вместе, носки врозь. Так лежит в гробу высушенная жизнью легкая старушка, и носочки тапочек окончательно и безмятежно разведены.

Глаза у святых тоже безмятежны, умильны, аккуратные десертные тарелочки нимбов за затылками. Если стоят они – горочкой пятеро вокруг Христа Пантократора, – то склоненные набок головы в скафандрах нимбов похожи на мальков в икринках, спрессованных вокруг крупной гладкой рыбыны...

Подумать только, что спустя каких-нибудь два века приверженцы этих кротких умильных святых станут сжигать моих предков за то, что те не захотят перейти в их светлую радостную веру. Три с половиной века на площадях Испании будет полыхать пламя костров, и вонь паленой человечины пропитает само небо над святейшими соборами и церквями...

Сотнями тысяч их сжигали на кострах инквизиции за «тайное иудейство», за нарядное платье, надетое в субботу, за то, что в субботние дни дым из печи не поднимался над крышей дома, за то, что в крестный ход не украшен был коврами балкон... Марраны носили с собой повсюду кусок свинины и при скоплении народа демонстративно откусывали от мерзкой для еврея пищи. Вот! Вот! Смотрите все, какой я истовый христианин!

Но были и такие, кто рьяно служил новой вере, становясь бо?льшим католиком, чем все ревнители церкви. Соломон Галеви – талмудист, знаток Писания, уважаемый член общины – крестился, приняв имя Пабло де Санта Мария. Впоследствии стал епископом Павлом Бургосским, канцлером Кастильского государства, воспитателем наследного принца, ярим преследователем бывших единоверцев. Святая Тереза Авильская, католичка, основательница чуть ли не семидесяти монастырей по всей Испании, в детстве тоже носила еврейское имя. Поскрести католических святых – под каждым третьим окажется еврей или сын еврея.

Холодеют руки, когда читаешь «Историю испанской инквизиции» Льюренте:

«Целью пытки было понуждение узника признать все, что составляет содержание процесса... Я прочел много процессов, от которых меня охватил и пронизал ужас... Инструмент *escalera* представляет собой деревянное сооружение, изобретенное для пытки обвиняемых. Оно имеет форму водосточной трубы, годной для того, чтобы положить на нее человеческое тело; у нее нет другого основания, кроме пересекающего ее бревна, на котором тело,

падающее назад, сжатое с боков, сгибается и искривляется действием механизма этого сооружения и принимает такое положение, что ноги находятся выше головы. Отсюда проистекает усиленное и мучительное дыхание и появляются нестерпимые боли в руках и ногах, где давление веревок так сильно, даже до применения закрутня, что их обороты проникают в мясо до костей, так, что выступает кровь...

Введение жидкости не менее способно убить того, кого инквизиторы подвергают пытке, и это случалось не раз... В рот вводят до глубины горла тонкую смоченную тряпку, на которую вода из глиняного сосуда падает так медленно, что требуется не менее часа, чтобы влить по каплям пол-литра, хотя вода выходит из сосуда непрерывно. В этом положении осужденный не имеет промежутка для дыхания. Каждое мгновение он делает усилие, чтобы проглотить воду, надеясь дать доступ струе воздуха; но вода в то же время входит через ноздри. Поэтому часто бывает, что по окончании пытки извлекают из глубины горла тряпку, пропитанную кровью от разрыва сосудов в легких или в соседних органах...

...Я не знаю ничего более позорного, чем это поведение инквизиторов; оно ведь противоречит духу любви и сострадания, которые Иисус Христос так часто рекомендует людям в Евангелии»...

Десятки, сотни тысяч сожженных на кострах пятнадцатого, шестнадцатого, семнадцатого и даже восемнадцатого веков – горожан, монахов, представителей испанской знати (!) – в делопроизводстве инквизиционных судов помечены обязательным: «происходит от еврейских предков» или «рожденный в семье марранов»... И все они – Хуаны, Рамиресы, Санчо, Мигели, Диего, Сантьяго... и даже Кристобальды и Христофоры, как тот великий мореплаватель, загадочный «человек ниоткуда», упорно избегавший писать свое христианское имя полностью...

До сего дня его архив засекречен Ватиканом – с чего бы?

Ореол таинственности окружает этого человека. Жизнь его порождает слишком много вопросов. Авторитетный исследователь еврейской истории Симон Визенталь в своей статье «Парус надежды» задается целым рядом таких вопросов, какие и не могли бы прийти в голову человеку, незнакомому

досконально с историей испанского еврейства.

С чего бы, например, несколько доступных для исследователей его писем к сыну Диего помечены знаками, странными для всех, но только не для посвященных: это буквы «бет» и «хей», что означает «Барух Ха-Шем» – «Славен Господь», и начертаны они справа налево, и помещены над первой буквой текста, как обычно это делают евреи?

С чего бы ему в письме профессору теологии из Саламанки Диего де Дезе обронить опасную фразу: «Я – слуга Господа, которого почитал Давид»?

С чего бы первая его дневниковая запись начинается словами: «В тот же самый месяц, когда Вы, святые короли, изгнали евреев с Ваших земель, Ваши Величества отправили меня с флотом в Индийские земли»?

К чему объединил в своем дневнике два столь судьбоносных для Испании события этот таинственный лихой человек, о происхождении которого спорят Испания, Италия и остров Мальорка? (Тот самый остров Мальорка, в течение ряда веков поставлявший для мореходов Европы лучшие, точнейшие карты и навигационные приборы – а картография и космография испокон веку были в Испании еврейским занятием...)

И, наконец, с чего бы этот подозрительно и необъяснимо образованный моряк время от времени, словно забавы ради, переводил на полях книг некоторые важные для него даты в еврейское летоисчисление?

Национальное тело Испании пронизано токами тревожной и обожженной еврейской крови. Это с первых минут поражает любого наблюдательного путешественника. Много раз мы встречали на улицах до оторопи знакомые типажи наших иерусалимских знакомых и друзей. То Мишка Бяльский деловой походкой чиновника (в неизменном галстуке, в Испании вообще много элегантных мужчин, у них даже костюм тореадора включает галстук) невозмутимо прошествует мимо нас по переулку в Севилье. То Марк Галесник на чистейшем испанском объяснит, как пройти к музею Санта-Крус в Толедо. То в коридоре барселонской гостиницы я ринусь к троюродной сестре: «Женька! Ты как здесь очути...» – а это горничная Франсиска Монтальбана пришла убирать наш номер...

Кроме абсолютно явных, непререкаемо типичных еврейских лиц, которые в городской толпе уместны и естественны, как полевые ромашки в овраге, время от времени там и тут – в книжках, путеводителях, оговорках и проговорках экскурсоводов мелькают удивительные факты.

Вдруг выясняется, что Эль Греко жил буквально в еврейском квартале Толедо; что его жена с внешностью кроткой еврейской девушки (модель для всех его мадонн и мать его единственного любимого сына Хорхе Мануэля) не была с ним венчана. Почему? Никто на этот вопрос не отвечает.

В Прадо с автопортрета молодого Веласкеса на вас смотрит еврейский юноша восточного типа. В Израиле таких лиц через третье на четвертое. Выясняется, что отец его был, вообще-то, из Португалии (на территории которой скрылись после изгнания сто двадцать тысяч испанских евреев), что фамилию, вообще-то, он взял почему-то материнскую (ну, это-то мы, с нашим советским опытом жизни, понимаем); и что впоследствии, уже будучи придворным живописцем Филиппа Четвертого, долго, унижительно долго не мог вступить в орден Сантьяго. И что этим делом даже занималась все та же святая инквизиция, перед которой художник должен был доказывать свое благородное происхождение. Кстати, высокородные рыцари ордена Сантьяго так и не приняли плебея Диего Веласкеса, и когда тот умер, к могиле великого живописца несли на своих плечах рыцари ордена Калатравы...

...Словом, с первых минут Испания обрушилась на меня всей трагической мощью истории моих предков.

Она не была домашней.

Она не была нашей.

Она изгнала меня за пять веков до моего рождения.

* * *

По рубленой кубической брусчатке мы гуляли в Готическом квартале Барселоны...

– Ну, что? – кивая под ноги, спрашивал мой муж. – Эта мостовая не из нашего сна?

...Из полумрака улицы Платерия в чисто и резко вычерченном прямоугольнике голубого неба видна была южная башня церкви Санта-Мария-дель-Мар. Церковь Марии Морской, небесной заступницы барселонских мореходов и портовых грузчиков, строгим и завораживающим своим трапециевидным фасадом выходила на тесную площадь.

Там они и сидели, рядышком – два великолепных гитариста, – на складных брезентовых стульчиках, перед пюпитром с нотами. По типу внешности – мексиканцы. Играли со спокойствием виртуозов: руки на золотисто-багряных гитарах сдержанны и легки, лица в тени благородно бесстрастны. И бесстрастна и величава была барочная музыка паваны, похоронного танца...

Плавное кружение попарно шествующих аккордов, меланхолическое кружение эха в катакомбах средневековых стен, кружение теней, кружение света; косо выпавший из-за угла ломоть солнца, обломленный черной стеной и сланцево слепящий глаза на черной брусчатке мостовой; группка притихших туристов... В какую-то минуту (как подстеречь в жизни эти считанные драгоценные минуты?) гармония архитектурных масс – арка над нашими головами, балкончик сбоку, уносящаяся ввысь черная стена церкви и волны черепицы надо всем... – вдруг пришла в движение, соединяясь с безмятежно-величавой музыкой барокко, с опущенными глазами двух музыкантов, скупым кивком отмечавших полет монеты в раскрытый футляр...

Все это было столь органично моему ожиданию Испании, что просто слилось в душевный молчаливый трепет, в проглоченные слезы, в Небесную Павану – когда ты точно знаешь, что вот эти семь минут, впечатанные в бледное небо готической Барселоны, отныне и навсегда станут потаенным талисманом твоей единственной, замусоренной, не самой удачной, не самой прекрасной жизни.

Было в тот день и другое.

Гитару в прянично-керамическом парке Гуэль мы услышали издали и минут десять взбирались вверх по вздымающейся волной балюстраде террасы, мимо причудливых, из-под земли растущих пальмообразных колонн. Наконец

выбрались к одной из тщательно продуманных, словно вылепленных, вдавненных в скалу неким могучим великанским кулаком пещер.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Сфарад – Испания, иврит.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/dina-rubina/voskresnaya-messa-v-toledo>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)